

МЕТОДОЛОГИЯ

ВОСПИТАНИЯ

*Кто ты, о человек?
Сосуд свирепой боли,
Арена всех скорбей?
Превратностей поток,
Фортуны лёгкий мяч,
Болотный огонёк,
Мерцанье свеч?
Не боле?..*

Неизв. немецкий поэт

К.В. Зелинский

«Кто ты, о человек?»

Размышления педагога
о подлинности человеческого
бытия, нравственном воспитании
и православной культуре в школе

5 – 10

КТО ТЫ, О ЧЕЛОВЕК?

*(размышления педагога о подлинности
человеческого бытия, нравственном
воспитании и православной культуре в школе)*

К. ЗЕЛИНСКИЙ (протоиерей Константин)

Падение нравственного уровня современного российского общества — печальный, но, к сожалению, непреложный факт. Какая-то мощная и неведомая сила тянет человечество на дно его бытия. И остановить это падение, по всей видимости, весьма сложно. По закону падающих с высоты тел скорость падения только увеличивается, и движение вниз ускоряется. Что в этом случае может принести ребёнку учитель? Как слово его отзовется в сердцах тех, кто по своему статусу должен внимать каждому слову педагога? И всегда ли, общаясь с учащимися, учитель в действительности с ними обретает общность? Живя в чередѣ информации, будучи ценителем всяких разнообразных методик и технологий, зная методы воспитания и обучения, не опускаются ли у учителя руки перед столь серьёзной и нарастающей угрозой полного разрушения нравственного здоровья и искажѣнности подлинного бытия человека?

К началу XXI века, как реакция, с одной стороны, на период «нравственного безвременья» эпохи 90-х г., и как ответ, с другой стороны, на новую социокультурную ситуацию, активизировалась исследовательская деятельность учёных по самым разнообразным этико-педагогическим вопросам. Попытки преодолеть мировоззренческое и содержательное единообразие воспитательных практик, расширить границы культурных основ воспитания, обогатить ценностный мир ребёнка в настоящее время осуществляются в педагогических исследованиях через обращение к отечественной православной традиции воспитания в семье и в обществе.

В русле поисков содержания нравственного воспитания мы являемся свидетелями интересной дискуссии о возможности введения православной культуры в пространство общеобразовательной школы. Несмотря на то, что православная культура обладает мощным нравственным потенциалом, несмотря на то, что известнейшие люди государства российского исповедовали православие как идеал собственного бытия, вопрос о православной культуре в светских учреждениях остаётся открытым. Православная культура и общеобразовательная школа — это противостояние или сотрудничество? Это разные пути к одной цели или движение друг от друга? Это вечная борьба или поиск единства? Это взаимное непризнание или содержательное обогащение, это лишь терпимость, которая рано или поздно приведёт к разрыву отношений, или крепкие узы?

Несомненно, семидесятилетний атеистический диктат оставил свой след на всём том, что связано с православием: попорчены смыслы, потеряны ориентиры, забыты традиции. Православие, по о. Андрею Кураеву, стало «неизвестной культурой»: её видение жизни отвергнуто, её понимание человека предано забвению, а её нравственный потенциал не востребован. Под предлогом того, что церковь как социальный институт отделена от государства и школы, ведётся мощное противодействие (порой невольное) заявленной в Законе «О свободе совести и религиозных организациях» возможности государства «оказывать содействие и поддержку благотворительной деятельности религиозных организаций, а также реализации ими общественно-значимых культурно-просветительских программ и мероприятий». Обратим внимание, что закон, принятый в 1997 году (статья 14, п. 2), констатирует «особую роль православия в истории России, в становлении и развитии её духовности и культуры», и ориентирует на «интеграцию личности в национальную и мировую культуру».

Однако понятие «православие» в педагогической науке не осмыслено с современных позиций и не обеспечено методически, а потому пока не имеет теоретико-методологических оснований, на которые мог бы опереться учитель в своей учебно-воспитательной деятельности. Православная культура, будучи многогранным и всеобъемлющим явлением, может открыться человеку и как особый уклад жизни, и как высочайшее откровение о бытии, как неповторимое искусство (архитектура, живопись, музыка) и как глубочайшая философская мысль, как аскетический труд и как неповторимый подвиг, как особое видение жизни и как таинственный диалог с Вечностью, как неотмирная Красота, как абсолютная Истина, как всецелое Добро, как неумирающая Любовь. А потому нельзя не согласиться с о. Павлом Флоренским, который, сознавая широту и глубину православия, писал о невозможности определить его «в точных рациональных понятиях, нельзя подвести его под какие-либо определения — оно всегда будет оставаться неизмеримо выше и шире их».

Но тогда встаёт очередной вопрос: что из представленного выше минимума может выбрать для себя школа: каноны, догматы, обряды, аскетику, искусство, св. Писание, философскую мысль, жития, таинства, посты, правила поведения, формулы — что? И главное, зачем?

В силу всеохватности православия и, конечно же, в силу присущей человеку инертности (ибо человек привык к верхоглядству), подлинное содержание православия теряется и тонет в пучине житейских, обыденных, а порой и суеверных взглядов, не имеющих никакого отношения к самому православию. Каждый трактует данное понятие на свой лад и вкус, удерживая свой взгляд на поверхности явлений, а потому заковывает православие в чуждые для него концептуальные схемы. Достаточно вспомнить некоторые атеистически ориентированные работы выдающегося педагога В.А. Сухомлинского. Поражаешься той наивности, с кото-

рой учёный описывает своё понимание Бога и веры. В такого Бога и верующий не то что не поверит, от такого Бога истинно верующий открестится и убежит (и это притом, что В.А. Сухомлинский был носителем и провозвестником высшей Божественной заповеди — заповеди Любви, ибо везде и во всём пытался духовно трезво эту заповедь утверждать в жизни и напечатлять в детях).

Постижение культуры, к которой принадлежали св. Александр Невский и св. Дмитрий Донской, прп. Сергей Радонежский и прп. Серафим Саровский, Александр Суворов и Михаил Кутузов, св. прп. Андрей Рублев и Василий Васнецов, Александр Пушкин и Фёдор Достоевский, Михайло Ломоносов и Дмитрий Менделеев, Пётр Чайковский и Сергей Рахманинов, Владимир Соловьёв и Алексей Лосев, Константин Ушинский и Сергей Рачинский и др., даёт возможность, с одной стороны, воспитывать детей в ощущении неразрывной связи их жизни со всей многовековой историей Отечества, с другой стороны, сохранить для будущего величайшее отечественное культурное наследие.

Задачей учителя является не только предоставить возможность «ведать потомкам православных земли родной минувшую судьбу», и тем самым выйти за пределы «Иванов не помнящих родства» и, соответственно, не потерять своей уникальности, сохранив для потомков красоту и глубину отечественной культуры. Перед учителем стоит более масштабная задача: *помочь* детям *приоткрыть путь* к истинно человеческому бытию, почувствовать «высший уровень человеческого существования» (С.Л. Рубинштейн), прикоснуться к «подлинности человеческой жизни» (О.Г. Дробницкий), к человеческому в человеке (В.И. Слободчиков). Но, учитывая, что полнота личностного бытия человека не представляет собой готовой данности, а есть «сполна никогда не реализуемое задание» (С.И. Гессен), то достижение высшего уровня человеческого существования, его осуществления, является делом всей жизни человека. А потому учитель (взрослый) лишь *приоткрывает путь* к подлинности и *помогает* двигаться ребёнку по этому пути. Однако уже и само движение по пути к высшему уровню человеческого существования, по пути осуществления, а не в противоположную сторону, есть не только путь достоверный и истинный, но и сама подлинность.

Педагогический призыв найти Человека в человеке, воспитать Человека в человеке, помочь человеку обрести в себе Человека с необходимостью ставит вопрос о сущности самого Человека. Известная протагоровская формула о «человеке как мере всех вещей», идеально согласуясь с гуманистическими послылками в том, что «ничего нет более высокого и достойного, чем человеческая жизнь» (Э. Фромм), имеет существенный изъян: *она не указывает меру самого человека*, и поэтому не отвечает вопросу, поставленный более двухсот лет назад великим И. Кантом: «Кто есть человек?». Ещё значительно ранее подобный вопрос с особой силой прозвучал в Священном Писании: «Господи,... что есть человек, что Ты помнишь его, и сын человеческий, что Ты посещаешь его?» (Пс. 8:5). И ведать ответ на данное вопрошание, по всей видимости, необходимо каждому учителю: *во-первых*, в силу того, что истинная педагогика, устанавливая предельную для себя задачу воспитывать человека во всех отношениях, должна, по слову К.Д. Ушинского, и знать человека во всех отношениях; *во-вторых*, с большой долей вероятности можно утверждать, что воспитательный результат (несмотря на то, что не всё в воспитании ребёнка зависит от учителя) не в малой степени будет определяться и тем образом человека, который несёт учитель в своей душе и, соответственно, напечатляет в сердцах своих воспитанников. Ведь учитель, вольно или невольно, задаёт направление воспитательному процессу в русле именно своего понимания и чувствования жизни, мира и человека.

Человек — существо особого порядка: он и «*микрокосм*» (Аристотель), вбирающий в себя природу, природой обусловленный, но он и «вольнотпущенник природы» (Гердер); он *существо личностно-общественное, соборное*, обладающее «способностью всё понимать своим разумом и всё обнимать своим сердцем, или входить в живое единство со всем» (В.С. Соловьёв) и *существо личностно-духовное* (А.С. Арсеньев, Н.А. Бердяев, С.Л. Франк), открытое, способное вместить в себя бесконечную тайну Божию, стоящее над миром и дающее смысл существованию мира. А отсюда и характеристики: человек многомерен и «плюрален» (Б. Вышеславцев), бесконечен и конечен (А.Н. Арсеньев), временен и вечен. По факту своего рождения человек есть человек и не есть человек, что недвусмысленно подтверждали самые разнообразные философские учения. Человек, для того чтобы быть Человеком, должен: обрести свою родовую сущность (Б.С. Братусь), самоактуализироваться (А. Маслоу), освоить собственную экзистенцию (А. Менегетти, К. Роджерс, В. Франкл и др.), исполнить экзистенциальный проект (Ж.-П. Сартр), подняться от образа Божьего к Его подобию (св. отцы) и т.д. Человек — «великий мир» (митр. Амфилохий Радович), и знание о нём не может быть ограничено какой-то одной сферой, например психофизической или каким-либо идеалом типа «благородного человека, благородной личности, благородного гражданина» (Ш.А. Амонашвили). Но тогда как постигнуть эту неисчерпаемую многомерность, как не заблудиться в многогранности человека и как «объять необъятное»?

Многомерность предполагает стержневую основу, вне которой собственно эта же многомерность теряет целостность, распадается и становится топким «болотом», затягивающим всякого пожелавшего изучить человека в полноте его проявлений. Понять содержание стержневой основы — это значит ответить на весьма принципиальный вопрос: **«кем является человек по своему призванию?»**. Ответ на данный вопрос обретается через постижение смысла человеческого бытия (во имя кого и во имя чего живёт человек?), а потому в плоскости этого вопроса могут лежать полярные представления о самом человеке как:

образе и подобию Божьему, «увенчанного славою и честью, ... владыкою над делами рук Божьих» (Пс. 8:6, 7), неустанно создающего и утверждающего в мире жизнь в её особой качественной явленности: благовоющей любви. И тогда человек — это человек-созидатель и человек-служитель;

фейербаховском человекобоге, от которого веет духом непримиримой гордыни (ведь «человек — это звучит гордо!») и из которого вырастает ницшеановский сверхчеловек, предлагающий «не прятать голову в песок вечных ценностей». В этом случае человек — есть человек-захватчик, человек-разрушитель;

«твари дрожащей», имеющей сознание биомикрочастицы, живущей космические секунды на окраине Вселенной, с единственным желанием «пожить по своей глупой воле» с циничной мотивацией: «оттянись со вкусом, а весь мир пока пусть подождёт!». Но тогда, воистину права М. Цветаева со своей скорбно-ироничной репликой к человеку: «И это мыслящий тростник?».

Можно только себе представить, сколь различно может быть поставлено воспитание в зависимости от обозначенных ориентиров на человека. Поразительно, что во внешнем поведении и в исполнении разнообразных норм и правил представленные образы могут быть весьма похожи, но плоды этого поведения будут крайне различны. Попытка же спрятаться от предельных образов за так называемое среднестатистическое нормальное развитие (за воспитание здоровых социальных навыков, творческой силы, физического здоровья) обречена на неудачу, ибо и за правильными социальными навыками, и за хорошим здоровьем, и за твор-

ческой силой, и за интеллектуальным развитием всё равно будет просвечиваться лик человека, определённый смыслом: «во имя кого и чего» бытийствует человек. Понять же тот или иной бытийственный смысл, раскрыть в той или иной степени самого человека, его призвание и цель жизни может помочь та культура, в которой человек укоренён по факту своего рождения и жития. И в этом смысле любая культура в какой-то степени подобна «окну», через которое может открыться (правда не всегда) вид на подлинность человеческой жизни. Или она подобна радиоволне, стремящейся уловить и опознать само совершенство, и поэтому так важно понять на какую волну, на какой образ человека настроена та или иная культура.

В православной культуре человек открывается как человек-созидатель, человек-служитель, в свободе утверждающий в мире Добро и Любовь, ибо «призван быть непростым объектом действия Божией воли и силы, а действенным и ответственным, сознающим свою силу субъектом — активным сотрудником Бога» (С.Л. Франк). И всё это несмотря на то, что православная культура реально осознаёт раздробленность целостной человеческой природы и искажённость её бытия, где множественные и противоречивые желания-хотения духовно-душевно-телесной человеческой природы разрывают единство человеческого существа, а активно противоборствующее духовному началу плотское течение порой строит «единство» со знаком минус, т.е. духовная сила вовлекается на службу плотским помышлениям, истощая и тем самым уничтожая себя. При этом грех как «момент разлада, распада и развала духовной жизни» (о. П. Флоренский), как путь мимо цели, как грандиозная помеха жизни есть, с одной стороны, симптом раздробленности человеческой природы и, с другой стороны, преграда для созидания жизни подлинной. И всё же «православное сознание, как писал В.В. Зеньковский, исходит, по существу, в понимании человека из глубокого чувства его ценности. Радость о человеке, живое ощущение образа Божия в нём, благословение бытию, в нём открывающемуся, — это пасхальное восприятие света и добра в человеке в православии так сильно, что в нём тонет даже грех и ложь».

Утверждение в мире добра и любви, с точки зрения православной культуры, востребует в первую очередь *ведения истинности*: знания того, чем нечто является по своей сути. В этом отношении православная культура — это культура, вслушивающаяся в мир и вживающаяся в мир ради жажды видеть, понимать и служить высшим откровениям бытия и тем самым утверждать жизнь в её качественности. А потому православная культура всецело мироприемлющая культура, не отвергающая жизнь нехристианских народов, а освящающая её. Она ценит, как утверждает И.А. Ильин в своей книге «Основы христианской культуры», «всё чистое, глубокое, благородное и художественное, что когда-либо появилось на земле ... созерцает и ценит Конфуция, Лаотзе и Будду, Зороастра и Аменхотепа IV, Гераклита, Сократа и Платона, Марка Аврелия и Сенеку, псалмы Давида, египетское и греческое искусство, царствование Александра Македонского и императора Андриана, жертвенный патриотизм инки и японца. И всюду, где человек живёт в творческой любви, или отдаёт жизнь свою за других, или молится Богу «неизреченными воздыханиями», — мы ... видим вселенское братство во Христе».

Другое дело, что восхождение к постижению совершенства и подлинности востребует особых усилий, а именно *воли к совершенству*. Вслушиваясь, вглядываясь, вживаясь в мир, распознавая бытие через «обличение вещей невидимых» (Евр: 11,1), познавая мир как открытие истины, необходима, по словам С.Л. Рубинштейна, борьба (иногда героическая) за истину, за её утверждение во благо человека или, как писал С.Л. Франк, нужна «воля... напрячь духовный взор, что-

бы подлинно рассмотреть, увидеть то, что есть, ... воля открыть душу навстречу истине». Тогда воля к совершенству есть путь от овладения собственным поведением и умения управлять им к творческо-ответственному самостоянию.

Однако ни постижение истины, ни воля к совершенству не могут в полноте утверждать в мире добро. Собственно ведение истинности и воля к совершенству сами по себе не могут быть полноценными, если отсутствует любовь к подлинности, или *любовь к совершенству*. Невозможно созидать то, к чему не лежит сердце, к чему не открыта душа. Всякое формальное действие — действие вне любви. Оно искажает подлинность и нарушает совершенство. «Любовь есть радостное приятие и благословение всего живого и сущего, та открытость души, которая широко открывает свои объятия всякому проявлению бытия, — писал С.Л. Франк, — любовь есть положительная, творческая сила, расцвет души, радостное приятие другого, удовлетворение собственного бытия через служение другому». Недаром блаженный Августин каждую из известных с античных времён добродетелей определяет как любовь: «Воздержанность — это любовь, которая всецело отдана тому, к кому она относится. Мужество — это любовь, которая легко переносит всё ради любимого. Справедливость — это любовь, которая служит только любимому и поэтому по праву господствует. Ум — это любовь, которая пронизательно отделяет то, что ей помогает, от чинящего ей препятствия». И потому, если даже человек, имея всякое познание и «дар пророчества», владеет тайнами мира и верой, «передвигающей горы», но не имеет любви, то его бытие мало и ничтожно (1 Кор. 13:2). Именно в любви человек восходит к норме своего бытия — благобытию. В любви человек достигает своей осуществлённости, цельности и совершенства, в любви и мир обретает полноту бытийственности и благодности.

И тогда окажется, что православная культура в школе — *это разговор о Человеке и мироздании*, это диалог человека с миром, это созидание совершенного и его дарение. Это возможность увидеть и мир, и человека не сквозь призму средств массовой информации, «мыльных опер» и компьютерных игр, а глазами тех, кто верой и правдой, и всей своей жизнью утверждал жизнь, мир и любовь, кто не жалея себя, душу свою полагал во славу не только Отечества, но и всей человеческой культуры.

Тогда можно будет увидеть, что «св. Евангелие состоялось и начерталось не для того, чтобы превратить человека в запуганного раба, ожидающего приказаний и не смеющего творить самостоятельно: такой раб не нужен ни Богу, ни людям... Евангелие есть живой поток любви, вливающийся в душу и пробуждающий в ней глубочайшие истоки личной духовности». А потому усвоение св. Евангелия «совершается не в законническом толковании слов и текстов, но в «усвоении» любви и веры, совести и свободы» (И.А. Ильин). Тогда окажется, что нравственное воспитание в школе в ракурсе православной культуры может включать в себя праздники, и будни, евангельское чтение и интеллектуальную игру, поучительную сказку и дружественную беседу о мироздании и смысле бытия, футбол или иные подвижные игры и художественное творчество, историю и житие святых, научное исследование и мудрую шутку, труд как творение радости и красоты и аскезу как личностное свободное волевое усилие для преодоления искажающих подлинное бытие человека привычек. И пусть никого не смущает столь широкий разброс форм и содержания нравственного воспитания.

Главное, чтобы ребёнок как можно чаще чувствовал ценностно-смысловую основу своего бытия, чувствовал, что он есть человек, «и в нём сияет вечной жизни сила», чтобы он ведал, «как жизнь на Божий лад настроить, чтоб в сердце ожила Любовь».